

Как мог Лу Дань не замечать злость в глазах Цзюнь Тин, он тоже знал о случившемся с Линь Инем, однако, боясь, что Цзюнь Тин не сможет сохранить самообладание и нарушит с трудом урегулированную ситуацию, господин советник задумчиво проговорил:

— Беспокойство тринадцатого помощника полководца разумно. Лучше так: мы просим государя Силэй одному отправиться к больным, временно оставив здесь своих людей. Если князь Мин не солгал, то государь Силэй не должен бояться оспы, так будет правильно.

Стройное тело князя поднялось, а сам юноша громко сказал со смехом:

— План господина советника хорош. Позвольте мне сказать. Если Жун Тянь на мгновение исчезнет с моих глаз, я сразу же перережу себе глотку, и государь Дунфань, и более десяти тысяч войск — все последуют за мной в могилу. — Запястье повернулось, и меч Ушуан оказался у шеи.

Жун Тянь спокойно потянулся и поднялся на ноги.

Стоило императору Силэй подняться, и, конечно же, люди Силэй, что были там, также последовали его примеру.

Множество охранников внезапно насторожились и тоже сразу встали с места, бросая взгляды на противника. Облачённые в белые доспехи люди Лу Даня, находившиеся в окружении, тихо и почтительно поднялись.

Стоило чуть-чуть не сойтись во мнении, и реки крови вновь прольются.

Небо помрачнело.

Фэн Мин спокойно поднялся на возвышенность и, стоя лицом к ветру с мечом в руках, спокойно проговорил:

— Что скажете, господин советник?

Глядя на такое, Лу Дань понимал, что не стоит упрячиться, и, не колеблясь, ответил:

— Лу Дань, конечно же, доверяет князю Мину.

Князь кивнул и, посмотрев на военных Дунфань, с превосходными манерами спросил:

— Пятый помощник полководца может от имени всей армии Дунфань выразить своё мнение?

На что мужчина замешкался. Его родители, жена и дети, всего шестьдесят три человека, все они жили в Дунфань; если не предотвратить распространение оспы, то они не только не спасут солдат, но и не исключена возможность, что погибнет вся его семья.

Даже ради Дунфань не стоит терять такой спасительный шанс.

Мужчина уже было открыл рот, но холодно усмехающаяся Цзюнь Тин вмешалась:

— Кроме моего отца никто не выступит от лица всей армии Дунфань.

У Фэн Мина возник вопрос:

— Почему не видно Цзюнь лин-сы?

Как только прозвучал этот вопрос, все военные внезапно помрачнели. Цзюнь Тин, побледнев, фыркнула и отвернулась, скрываясь от взгляда князя.

Лу Дань со вздохом ответил:

— Господин Цзюнь лин-сы тоже заразился.

Фэн Мин замолчал. Если это так, то, вероятно, не появившийся Цан Янь тоже не избежал этого бедствия. Фэн Мин слегка огорчился, ведь из всех в Дунфань лишь этот генерал был крайне дружелюбен к нему, князю.

Цзюнь Тин с печалью отозвалась:

— Не прояви генерал Се Гуан безрассудства и не отправь пленных людей Бэйци по военным лагерям Дунфань, разве тогда военный лагерь охватил бы такой хаос, как сейчас?

Но, радуясь в душе, Ле-эр подмигнул Жун Ху. План, включающий поимку множества заболевших людей Бэйци, гарантировал успешное заражение, но кто бы мог подумать, что Се Гуан разослал пленных, рассредотачивая источник инфекции и таким образом ещё более усложняя остановку распространения эпидемии, и тем самым незаметно для себя сильно помог государю Силэй.

Более того, в момент допроса присутствовало огромное количество командующих, которые, заразившись, не смогли своевременно принять меры. Это вывело ситуацию из-под контроля [1], и эта оспа действительно поразила всю военную систему.

Князь в нужный момент вспомнил о некогда вспыхнувшей чуме, свирепствовавшей в Европе.

Он и представить не мог, что современные знания об оспе могут вызвать такой большой хаос.

И, конечно, будет унесено так много человеческих жизней.

Винить Жун Тяня князь не мог. Единственный способ с лёгкостью победить — оказаться в положении, при котором силы противника значительно превышают собственные, причём тонкость заключалась в том, что, даже если военные Дунфань понесут большие потери, причастность князя Мина была бездоказательной, и все дунфаньцы не смогли бы выместить ненависть на Фэн Мине, временно проживающем в императорском дворце.

Если бы Жун Тянь штурмовал город, князь немедля, подвергшись человеческому «порицанию», распрощался бы с головой.

Лу Дань нарушил тишину:

— Что, в конце концов, собирается делать князь Мин?

— Конечно же доказать всем, что я не лжец. — И Фэн Мин вольно рассмеялся: — Прошу господина советника и пятого помощника полководца уступить дорогу, позволяя нам покинуть императорский дворец, обойти весь лагерь, после чего все вновь сядем и как следует поговорим.

Но Цзюнь Тин возразила:

— Я уже сказала: ты в моём присутствии докажешь, что способен решить нависшую над Дунфань беду, иначе даже не думай живым выбраться из дворца.

Ле-эр, смеясь, заговорил:

— Тогда позовите сюда вашего больного, и мы докажем, чтобы ты увидела.

— Нельзя! — И Лу Дань добавил: — Государь находится во дворце, разве можно рисковать, приводя больного сюда?

Пятый помощник полководца спросил:

— Можно ли попросить государя Силэй с несколькими приближёнными телохранителями отправиться вместе с нами в лагерь осмотреть больных?

— Никому из них нельзя покидать дворец. — Цзюнь Тин, чья жизнь находилась в руках Жун Тяня, ни капли не малодушничала и, обведя взглядом силэйцев, проговорила: — Все эти люди

— хорошо обученное вражеское войско Силэй, каждый их солдат превосходен и защищает господ, презирая смерть. Во дворце нам удалось загнать их в тупиковое положение, если позволить им выйти, боюсь, мы не сможем их одолеть. А если позволить им сбежать, то на мой Дунфань обрушится огромное бедствие.

— Я не намерен разделяться. — И Жун Тянь холодно добавил: — Если идти, то всем вместе. — Эти слова не подлежали обсуждению.

Ле-эр закричал:

— Скорее договаривайтесь: привести больного сюда — подойдёт, позволить нам всем вместе пойти в лагерь тоже подойдёт, так или иначе, наш князь Мин искренне докажет вам, что способен спасти от оспы.

— Если хотите вновь сразиться, мы не боимся, — приглушённо добавил стоящий в стороне Жун Ху.

— Цзюнь Чжао, — Цзюнь Тин, обратившись к толпе, приказала охраннику, — передай мой приказ: немедленно приведи сюда нескольких заражённых солдат.

Цзюнь Чжао являлся телохранителем семьи Цзюнь, и, конечно, стоило Цзюнь Тин дать приказ, мужчина сразу отозвался и, развернувшись, уже намеревался уйти, как перед глазами сверкнули две яркие молнии, и к шее с левой и правой сторон прижались холодные клинки, принадлежащие двум приближённым охранникам Лу Даня.

Увидев это, Цзюнь Тин в ярости проговорила:

— Лу Дань, тебя не заботят жизнь и смерть более десяти тысяч солдат нашей армии?

В глазах Лу Даня сверкнул неуступчивый блеск, а сам мужчина, держа высоко голову, задал встречный вопрос:

— Неужели тринадцатого помощника полководца не заботят жизнь и смерть государя?

— Вздор! Государь — это всего лишь человек, выбранный царствующим домом Дунфань для управления страной, и пока будет существовать царствующий дом Дунфань, беспокоиться о преемнике, который унаследует титул правителя, не стоит. Как раз сейчас армия несёт огромные потери, а без императорской охраны как наша страна устоит против врага?

Приближённые охранники Лу Даня, похоже, переняли разум господина и, услышав слова Цзюнь Тин, провернули в руках кинжалы, со смехом сказав:

— Тринадцатый помощник полководца в этом случае неправ. Господин советник не сказал, что не вылечит солдат, он лишь сказал, что позволит людям императора Силэй пройти в лагерь осмотреть наших больных, не позволяя заразе проникнуть во дворец. Тринадцатый помощник полководца является дочерью Цзюнь лин-сы, однако в такой важнейший момент из-за смерти возлюбленного питает ненависть к князю Мину и всё время препятствует ему выйти из дворца, что и впрямь неразумно.

Стоящие вокруг него солдаты, облачённые в белые доспехи, усмехнулись от насмешливой интонации и неприкрытой двусмысленности в словах. Цзюнь Тин, задрожав от злости, свирепо уставилась на пятого помощника полководца:

— Ты, будучи генералом, неужели позволишь врагу покинуть дворец, не отомстив за оскорбление разрушенного зала заседаний?

Пятый помощник полководца тоже чувствовал, что Цзюнь Тин словно проникла в остриё бычьего рога [2], из-за Цзюнь Цина мужчина не мог в лицо высказывать возражений, потому ничего другого не оставалось, как искренне отозваться:

— Тринадцатый помощник полководца, зараза продолжает распространяться и вот-вот разрушит мой Дунфань. В сравнении с этим разве можно считать зал заседаний чем-то важным? Если подумать, то ради моего государства, солдат и жизни народа уж лучше им позволить отправиться в лагерь. Если князь Мин не солгал, тогда Небеса действительно проявят чудо и сжалются над страной.

Множество людей заметно кивнули.

Оставшись равнодушной, Цзюнь Тин приглушённо спросила:

— Когда мой отец слёг, он приказал мне временно занять его должность, ты не послушался моего приказа, это считается изменой?

Это являлось крайне серьёзным обвинением, и люди, стоящие на стороне пятого помощника полководца, невольно и слабо вздохнули.

Не обращая внимания на военное положение Цзюнь Тин, Лу Дань холодно улыбнулся и отдал приказ своим людям:

— Кто посмеет делать всё, что взбредёт в голову, немедленно умрёт без права на помилование.

— Строго следуем приказу господина советника! — в один голос отозвались облачённые в белые доспехи люди.

Незаметная тетива в воздухе натягивалась всё туже.

Северный ветер пробирал до костей.

Густой дым постепенно рассеялся, а солнце с улыбкой взглянуло на землю, алая кровь на снегу уже застыла, приводя каждого в ужас и заставляя невольно задуматься: является ли убийство главной человеческой природой?

В мерцающем острие копья отразились ослепительные лучи солнца.

Рана всё ещё кровоточила, и битва вновь могла вспыхнуть в любой момент.

Жун Тянь с непринуждённым видом встал с Фэн Мином плечом к плечу. Позади находились Ле-эр с пылающим взглядом и переполненный яростью Жун Ху, чуть дальше — группа уцелевших и забрызганных кровью солдат Силэй.

У военных было множество погибших и раненых, а большая часть войск, чтобы скрыться от заражения, уже покинула пределы столицы, в результате чего дворец внезапно потерпел бедствие, подкрепления было недостаточно, иначе вся маленькая, более тысячи войск, армия Жун Тяня уже полностью была бы разгромлена. Вот только сбежавшие войска это не спасло, повсюду царила суматоха, и по-прежнему каждодневно сообщалось о новых заражённых как в столице, так и за её пределами.

Тем не менее Лу Дань самым первым из трёх сторон завладел ситуацией и, стоило ему догадаться, что Жун Тянь, вероятно, не умер, замыслил убить императора Силэй. Досадно, что Фэн Мин разоблачил его замысел, из-за чего всё пошло прахом [3], теперь требовалось приложить все силы, чтобы защитить князя, у которого на поясе красовался Ушуан.

В мёртвой тишине внезапно раздался цокот копыт, который стремительно приближался, привлекая внимание стоящих друг против друга противников.

Примчавшийся издалека гонец был облачён в форму телохранителя семьи Цзюнь, с внезапным гонцом обстановка стала крайне напряжённой, никто не успел изумиться, как вновь прибывший осипшим голосом спросил:

— Где тринадцатый помощник полководца?

— Впереди.

— На высокой террасе.

Всадник немедленно спешил, быстро прошёл сквозь ряды готовых вновь ринуться в бой людей, миновал приближённых Лу Даня, столкнулся со стоящими на передовой позиции несколькими охранниками. Задышавшись, мужчина потеснил толпу, но, заметив, что Цзюнь Тин в плену Жун Тяня, внезапно остановился.

Увидев подросшего телохранителя семьи Цзюнь, девушка уже почувствовала недоброе и, изменившись в лице, спросила:

— Что случилось?

Со скорбным выражением лица гонец рухнул на колени и, задыхаясь от слёз, ответил:

— Господин Цзюнь лин-сы... господин... он... умер... — с трудом и прерывисто процедил сквозь зубы и, уперевшись руками на обгаренный кровью снег, задрожал всем телом, почти сжимаясь от боли.

На мгновение каждого окутала мёртвая тишина.

— Отец! — пронзительный крик Цзюнь Тин внезапно рассёк ясное безоблачное небо.

— Господин... — Пятый помощник полководца с безжизненным взглядом упал на колени и, запрокинув голову, уставился на бескрайнее небо, и с горестным вздохом проговорил: — Господин Цзюнь лин-сы.

Стоящие сзади императорские охранники с бледными лицами молча опустились на колени.

Цзюнь Цин умер. Когда солдаты Дунфань подверглись самому сокрушительному за всю историю удару, духовная опора самой мощной армии покинула их.

«Это по моей вине?» — Фэн Мин посмотрел на кровь, что была повсюду, и на коленапреклонённых, горько плачущих солдат, не в силах сдержать горечь, охватившую сердце. Внезапно донеслось тепло, оказывается, это Жун Тянь молча взял его руку и, стиснув, легонько потёр её.

Лу Дань и его люди, стоящие в окружении солдат, тоже помрачнели.

Цзюнь Цин умер, и неизвестно, что ещё ждало большинство командующих Дунфань — жизнь или смерть, тогда как большинство рядовых солдат уже обрели покой. Можно сказать, военная мощь Дунфань, по большей части, была разрушена, даже если они уничтожат тысячное войско Силэй, то наверняка не смогут противостоять войску Бэйци, которое, воспользовавшись моментом, вторгнется на территорию Дунфань.

С самого начала, когда Фэн Мина обманом привезли в Дунфань, разве кто-нибудь мог предвидеть такой итог?

Он, этот советник, неужели главный виновник всех бедствий, разрушивший Дунфань?

После уничтожения страны как будет скорбеть не способный защитить себя император Дунфань?

Каким бы сильным господин советник ни был, однако он не смог вынести и предугадать момента, когда сердце будто полоснуло ножом.

Решительный взгляд скользнул по острию клинков и упал на красивого князя.

— Князь Мин... — Лу Дань сделал шаг вперёд, пересекая пустое пространство примерно с чжан, оставленное между людьми Силэй и Дунфань, и натываясь на клинки силэйцев. — Позвольте нам поговорить наедине. — Лицо господина советника было необычайно серьёзным.

Фэн Мин взглянул на Жун Тяня. Император Силэй, поразмыслив немного, кивнул:

— Хорошо. Прошу господина советника подойти.

Охрана, образовавшая круг, расступилась, открывая небольшой проход и позволяя Лу Даню пройти, после чего тут же вновь сомкнула ряд.

Жун Тянь, Фэн Мин и Лу Дань втроём подошли к отдалённому углу за каменным столбом, где было почти безлюдно.

Император Силэй перешёл прямо к делу [4]:

— Нынешнее положение господин советник увидел. В Дунфань уже хаос; потеряв охранные войска, которые должны быть у страны, сейчас даже если Вы захватите Фэн Мина живым или убьёте меня, всё равно не сможете сохранить Вашего любимого государя.

— Наверняка выход есть, — легко добавил Лу Дань. — Если выхода не было бы, тогда почему император Силэй позволил мне войти сюда и всё обсудить?

Жун Тянь глубоким взглядом с мгновение посмотрел на Лу Даня и искренне со вздохом проговорил:

— Господин советник действительно является весьма умным и мужественным человеком, как может Жун Тянь не восхищаться им?

Двое мужчин, по-видимому, уже достигли некоторого молчаливого соглашения, обнажая в глазах почтение и улыбку.

Фэн Мин выпучил глаза и, не имея ясного представления, уставился на них.

— Государь Силэй перехваливает, Лу Дань хоть и крайне мудр, но человек плохой, навлёк на Дунфань огромное бедствие. Из этого видно, что духи в потустороннем мире к вам расположены, а князь Мин действительно находится под покровительством Небес. — Лу Дань с благоговейным видом приглушённо продолжил: — Моё условие крайне простое: Силэй берёт под свою защиту военные дела Дунфань, мой любимый государь по-прежнему будет пользоваться правами, что и раньше, император Силэй должен найти способ уничтожить всех, кто посмеет ослушаться приказов моего государя.

Князь хмуро спросил:

— Что господин советник хочет сказать? Можно немного яснее?

На что Жун Тянь мягко объяснил:

— Желание господина советника — в ближайшем будущем сделать Дунфань зависимым от нашего Силэй.

— Что? — несдержанно выкрикнул Фэн Мин.

Разве они не загнаны в тупик в императорском дворце и вскоре могут быть зарублены дунфаньцами? Почему Лу Дань неожиданно в этот момент выдвинул предложение о капитуляции? Неужели смерть Цзюнь Цина его потрясла и лишила рассудка?

— А у него есть выбор? — И Жун Тянь добавил со смехом: — Главная цель советника — защитить государя Дунфань. И сейчас, кроме умирающего советника, в этом мире только ты и я можем сохранить безопасность императора Дунфань. Если господин советник не передаст нам Дунфань, то неужели страной овладеет военная система Цзюнь Тин? Цзюнь Тин так ненавидит тебя, что, боюсь, как только положение стабилизируется, она тотчас же уничтожит как тебя, так и императора Дунфань, у которого второй меч Ушуан. Военные и господин советник уже давно враждуют, даже если Цзюнь Тин не станет новым Цзюнь лин-сы, то, боюсь, и другое командование из-за связи господина советника не будет непоколебимо преданным государю.

Лу Дань, не изменившись в лице [5], посмотрел на Фэн Мина, ласково говоря:

— На самом деле я доверяю князю Мину. Лу Дань в этом мире ни о ком не беспокоится, кроме государя, князь Мин наверняка хорошенько защитит моего любимого.

Фэн Мину подумалось: «На самом деле ты веришь паре Ушуан. Из-за меня Жун Тянь не осмелится навредить жизни твоего любимого государя». Вот только необычайно глубокое чувство Лу Даня на самом деле не могло не растрогать.

— Господин советник не станет раскаиваться? — И князь легко проговорил: — Судьба всего

государства в обмен на жизнь или смерть одного человека, а дурная слава предателя пусть даже тысячи и сотни лет будет неотступно следовать за господином советником.

Жун Тянь, с чрезмерной любовью взглянув на князя, со смехом сказал:

— Ты мыслишь недостаточно глубоко, как это делает господин советник. Военная система Дунфань уже подорвана, и без огромной военной помощи моего Силэй армия Бэйци в любой момент может пойти войной; если ничтожную часть Дунфань захватит неприятель, то финал императора Дунфань станет ещё печальнее. В нынешней обстановке гибель Дунфань неизбежна, поэтому господин советник лишь предотвращает кровавую бойню, вот и всё.

— Так это и есть жестокие межгосударственные распри? Значит, даже талантливые люди не в силах в одиночку предотвратить беду. — Князь внимательно «пережевал» слова Жун Тяня и тихо вздохнул.

Молчаливый Лу Дань обессиленно и протяжно проговорил:

— Князь Мин, несомненно, понял некогда упомянутое Лу Данем общее положение. Дунфань уже подхвачен быстрым течением, а враги, наперебой убивая, высаживаются на его борт, я могу лишь выбрать одного рулевого, заслуживающего доверия, чтобы поручить ему корабль, надеясь, что он не разрушится до основания и жизни тех, кто на борту, удастся спасти. Что же касается, кому в дальнейшем будет принадлежать корабль, определится не мной. — В глазах мелькнул смутный блеск, с трудом сдерживая печаль, мужчина приглушённо продолжил: — Времени мало, ещё нужно решить вопрос с военными. Император Силэй, прошу, ответьте мне.

Жун Тянь принял моментальное решение:

— Я гарантирую, что в будущем после того, как Дунфань сдастся, приложу все усилия, чтобы остановить распространение оспы, и как следует позабочусь о народе Дунфань, позволю императору Дунфань жить в праздности и защищу его жизнь. Однако необходимо отказаться от императорской власти, иначе что это за покорность?

Лу Дань, покачав головой, сказал:

— Не годится. Государь в течение многих лет всегда являлся благородным человеком, а сейчас позволить ему внезапно стать обычным простолюдином, прямо говоря, — своего рода позор. Насчёт остального царского рода, меня он не заботит, но остаток жизни государь должен находиться на высоком посту, обладая властью и могуществом и не терпя ни малейшей обиды.

От услышанного Фэн Мин вытаращил глаза и раскрыл рот.

Неужели Лу Дань обманом привёз его, князя, за тысячи вёрст в Дунфань, — уничтожил совет цзиши, одолел военный совет, израсходовав всю духовную силу и уже стоя на краю смерти, —

оказывается, только ради того, чтобы никто не обидел императора Дунфань?

Жун Тянь, сжав тонкие губы, обнажил облик могущественного императора:

— Ценности можно обсудить, однако императорскую власть совершенно нельзя оставлять. Кроме меня, никто не станет защищать императора Дунфань после смерти господина советника. Хорошенько подумайте, господин советник.

— Нет, нельзя позволять государю терпеть всякие обиды. — Лу Дань закрыл глаза, глубоко задумываясь, на лице пронеслась шелковинка решительности, после чего, открыв глаза, господин советник взглянул на Жун Тяня: — Если император Силэй не согласен, тогда никому из вас не уйти отсюда.

Князь не одобрил его угрозы:

— Господину советнику не стоит забывать: мы всё ещё владеем секретом оспы, и пусть даже господин советник прикажет нас убить, военные, которых заботит лишь их армия, едва ли дадут волю рукам.

— Что же касается Цзюнь Тин, она слишком молода и в этот решающий момент не способна управлять действиями всех войск, — равнодушно отметил Жун Тянь.

— Князь Мин тоже так считает? — равнодушно спросил решительный Лу Дань. — Сейчас военные убиты горем, но как только они узнают, что оспа на самом деле является коварным планом Силэй, князь Мин считает, что сможет контролировать гнев мёртвых или живых солдат, потерявших из-за этого своего Цзюнь лин-сы?

Если так, то их изрубят на куски, именно таким будет финал войск Силэй.

Князь Мин и император Силэй в душе испугались и спешно переглянулись.

— У Вас нет никаких доказательств.

— В таком случае, ни на чём не основываясь, Лу Дань посчитал, что император Силэй не умер, как можно доказать подобное? Нужно лишь найти один сомнительный момент, и тотчас же можно понять общее положение дел. Император Силэй решил, как поступить, нет?

— Господин советник всё же не дорожит жизнью государя Дунфань? — спросил Жун Тянь.

Лу Дань огорчился и блёкло ответил:

— Если нет гарантий, что его никто не опозорит, тогда лучше позволить ему последовать за мной в объятия смерти.

Князь в душе опечалился и, взяв руку Жун Тяня, крепко сжал её.

Бывший император Силэй молчал.

Времени оставалось всё меньше, если они хотели спокойно решить этот вопрос, нужно было дать Лу Даню достаточно времени, чтобы уладить дело с военными Дунфань.

— Хорошо, обещаю, — сказал Жун Тянь скрепя сердце, при этом в его глазах промелькнула решительность: — Пока император Дунфань жив, он будет пользоваться всеми привилегиями, которыми обладает сейчас. Однако после его смерти другие члены царствующего дома Дунфань не унаследуют императорской власти, и Дунфань официально станет частью Силэй.

Лу Дань посмотрел на Жун Тяня и после глубокого раздумья радостно сказал:

— Император Силэй ни в коем случае не нарушит эту часть соглашения, данного перед князем Мином. — И вытянул худощавую ладонь.

В воздухе раздались три хлопка — союзный договор состоялся.

— Господин советник, подождите, — окликнул Фэн Мин Лу Даня и, сделав шаг вперёд, шёпотом спросил: — Господин советник в прошлый раз сказал, что моё тело слабое и господин советник использует оставшиеся минуты своей жизни, чтобы поправить...

— Государь уже повесил на пояс Ушуан, князь по-прежнему сомневается в искренних помыслах Лу Даня? — И мужчина добавил: — После семидневного сна князь Мин неужели не заметил, как его состояние значительно улучшилось? Случись такой кровавый бой раньше, то боюсь, князь Мин уже свалился бы. — Спокойно посмотрев на князя, мужчина вышел из окружения солдат Силэй и отправился в свой стан.

Фэн Мин с изумлением взглянул на силуэт советника, размышляя над скрытым смыслом в его словах.

Остановившись рядом с любимым фениксом, Жун Тянь довольно проговорил:

— Этот человек действительно выдающийся талант, император Дунфань не знает, насколько ему повезло встретить такого человека.

— Не стоит радоваться раньше времени. — Тревога слегка одолела князя. — В Дунфань решающее слово совсем не за Лу Данем. Он не сможет убедить военных.

— К чему убеждать военных? — Посмотрев на князя, словно давая понять ему: «Ты действительно очаровательно глупый», император Силэй уверенно добавил: — С помощью умений Лу Даня будет не сложно убедить военных, охваченных печалью из-за смерти Цзюнь Цина.

Беседуя, они заметили, что Лу Дань уже вернулся в окружение Дунфань и приглушённым тоном обратился к залитому слезами пятому помощнику полководца:

— Сейчас роковой момент для Дунфань, зараза распространяется, и единственный находящийся рядом князь Мин знает, как её остановить, место Цзюнь лин-сы «повисло в воздухе», а тринадцатый помощник полководца предвзято относится к князю Мину. Когда решается судьба государства, что пятый помощник полководца выберет в главную очередь: жизни множества солдат и всего народа Дунфань или же интересы семьи Цзюнь?

После короткого молчания пятый помощник полководца посмотрел на находящуюся в стане силэйцев крепко связанную и горько плачущую Цзюнь Тин и приглушённо ответил:

— Вы хотите помешать тринадцатому помощнику полководца занять место Цзюнь лин-сы?

Место, занимаемое Цзюнь лин-сы, передавалось из поколения в поколение в семье Цзюнь, и этой традиции было более ста лет.

— Верно. — Лу Дань крайне глубоким взглядом уставился в глаза мужчины и, подчёркивая каждое слово, проговорил: — Судьба множества людей висит на волоске и находится в руках пятого помощника полководца. Быть символом спасения Дунфань или прихвостнем семьи Цзюнь — зависит от того, что выберет пятый помощник полководца.

Мужчина озадаченно взглянул на только что потерявшую отца Цзюнь Тин.

Верность военных к семье Цзюнь укоренилась, однако, глядя, как собственные лучшие воины, закалённые в боях, умирают один за другим, какой генерал не станет сожалеть?

— Что Вы хотите, чтобы я сделал? — с холодом процедил генерал.

Слова Лу Даня звучали мягко, словно прилипчивая [6] божественная мелодия, сыгранная небесными духами:

— Уведите Цзюнь Тин и временно возьмите под стражу. После того как узнаем от князя Мина секрет чёрной оспы, вновь её выпустим. Что касается места Цзюнь лин-сы, она совершенно не подходящая кандидатура, пятый помощник полководца уже много лет командует войсками и более квалифицированный; кто вместо умершего господина Цзюнь Цина выполнит последнюю волю?

С каменным лицом пятый помощник полководца, понизив тон, ответил:

— Я могу временно взять Цзюнь Тин под охрану, однако вопрос с местом Цзюнь лин-сы нельзя просто решать, в Дунфань есть ещё несколько генералов на уровне военачальника, которые как раз лечатся и, возможно, через несколько дней смогут выздороветь. И к вопросу, кто займёт место Цзюнь лин-сы, вернёмся позднее.

— Так ещё лучше. — Господин советник отступил, спокойно вернувшись к своим людям.

Своевременно раздался голос Жун Тяня:

— В конце концов война или мир, вы договорились?

Рыдающая от горя Цзюнь Тин, услышав это, внезапно подняла голову и, скрежеща зубами, процедила:

— Война!

Линь Инь в те дни, когда ненавистный князь Мин и вдовствующая императрица указали на засаду Бэйци, сказал ей, что князь является дурным человеком, с его появлением разрушилось священное озеро, и наверняка он мог обрушить на Дунфань ещё какую-нибудь большую беду. Теперь, когда она потеряла Линь Иня, отца и несколько тысяч солдат, что были под её управлением, охваченная гневом девушка хотела как можно скорее поквитаться с Фэн Мином, вернув все долги.

— Подождите! — И пятый помощник полководца наконец-то вымолвил: — Бесплезно понапрасну убивать друг друга. Самое главное сейчас положить конец чёрной оспе, что бесчинствует в стране. Прошу князя Мина отпустить тринадцатого помощника полководца, выразив искренность.

Князь знал, что Лу Дань уже прикладывает все усилия, и, разумеется, понимал — нужно последовать течению, после чего, кивнув, сказал:

— У нас изначально не было дурных намерений насчёт тринадцатого помощника полководца, Жун Тянь лишь ради моего спасения вторгся в императорский дворец Дунфань. Если у пятого помощника полководца также искренние намерения, мы не только отпустим Цзюнь Тин, но и выполним обещание, отправив десяток хорошо обученных солдат, которые последуют за вами в лагерь к больным оспой людям, чтобы вы убедились, что мы действительно знаем способ, как не заразиться чёрной оспой.

Дунфаньцы слегка зашумели.

Если так, то это действительно лучший вариант.

Воспользовавшись моментом, Лу Дань взял слово:

— Давайте сделаем так: сначала прошу князя Мина отпустить тринадцатого помощника полководца, а затем в качестве доказательства послать человека в лагерь, самого же князя Мина, императора Силэй и остальных прошу пока отправиться во дворец во временные покои князя Мина в ожидании новостей.

— Годится.

Ле-эр вытащил кинжал и разрезал верёвки, которые связывали заведённые за спину руки Цзюнь Тин. Как только руки освободились, Цзюнь Тин тотчас же, держа ладонь вертикально, нанесла удар по запястью Ле-эра, желая отнять у него кинжал.

Хоть Ле-эр и обладал очаровательной внешностью, но тем не менее был вторым из главных телохранителей Жун Тяня, как он мог позволить Цзюнь Тин делать всё, что взбредёт в голову?! Когда железная рукоять кинжала уже оказалась «в пасти у тигрицы», был нанесён ещё один безжалостный удар.

Глухо простонав от удара, девушка повернулась и стремительно бросилась вперёд, желая пальцами выдавить глаза стоящему в пяти шагах князю.

Все вскрикнули.

— Князь Мин, берегитесь!

— Тринадцатый помощник полководца...

Сильное тело, что находилось рядом с князем, внезапно рвануло вперёд, останавливая собой разгневанную Цзюнь Тин и сталкивая её с возвышенности. Как оказалось, это был Жун Ху.

— Тринадцатый помощник полководца!

— Прошу тринадцатого помощника полководца не горячиться!

Пять солдат, выступив вперёд, придержали её.

Сам же князь от поступка словно обезумевшей Цзюнь Тин вздрогнул, испугавшись, и ещё теснее прижался к стоящему рядом Жун Тяню. Ле-эр похлопал старшего брата по плечу, со смехом прошептал:

— Женщин ты тоже способен ударить, берегись, вот вернусь в Силэй и всё расскажу Цю Лань.

На что Жун Ху блёкло ответил:

— Посмеешь посеять вражду между мной и Цю Лань, я тотчас же найду твоего Юн И и поквитаюсь.

Дважды протонав, Ле-эр закрыл рот и вновь встал рядом с Фэн Мином, как и следовало телохранителю.

Пытаясь вырваться, Цзюнь Тин поднялась на ноги и крикнула:

— Оставьте меня в покое, я хочу, чтобы эти люди, оскорбившие мой Дунфань, заплатили жизнью.

Не в силах излить переполняющую обиду, Цзюнь Тин, вытянув руку, указала на Фэн Мина.

Князь невинно посмотрел на девушку.

Жун Тянь сохранял молчание, думая про себя: «Женское чутьё — поистине потрясающая вещь. Эта Цзюнь Тин, незаметно для себя, унюхала запах коварства, смутно понимая, что это мы — главные виновники бедствия, но разумом ещё не поняла и не может связать нитью, проанализировав это дело. Немного времени — и она, как Лу Дань, разгадает хитроумный план, до этого момента её обязательно нужно устранить, так будет лучше».

Взгляд скользнул, выискивая в толпе напротив Лу Даня.

Неожиданно Лу Дань, словно поняв мысли императора Силэй, слегка кивнул.

Жун Тянь протяжно вздохнул.

— В чём дело? — спросил стоящий в стороне князь.

— Ничего, лишь вздыхаю, что великому Силэй не найти такого талантливое человека, как Лу Дань.

Несколько человек, получив знак от пятого помощника полководца, сделали шаг вперёд, препятствуя Цзюнь Тин. Однако чувствуя остатки царящей мощи Цзюнь Цина, солдаты не осмелились пошевелить ни ногой, ни рукой, чтобы помешать девушке.

— Прошу тринадцатого помощника полководца уделять внимание главному, а не мелочам. — Пятый помощник полководца добавил: — Тринадцатый помощник полководца убит горем, взволнован, поэтому это дело лучше поручите нам.

Оказавшись в плотном окружении своих же людей, Цзюнь Тин насторожилась и, пристально глядя на пятого помощника полководца, проговорила:

— Ты хочешь отнестись ко мне как к неразумной?

Посмотрев на людей, пятый помощник полководца сквозь зубы процедил:

— Не осмелюсь. Вот только тринадцатый помощник полководца слишком взволнован, и прошу тринадцатого помощника полководца сначала немного отдохнуть.

Бросив многозначительные взгляды, солдаты пятого подразделения, занимающие низкий ранг командования, медленно окружили Цзюнь Тин.

Сама же девушка, ясно поняв обстановку, наоборот, успокоилась и с холодной усмешкой сказала:

— Ты хочешь предать семью Цзюнь? — Уставившись на сияющие, словно серебро, доспехи, она скользнула взглядом по лицам всех императорских охранников. — Вы хотите увидеть скорую смерть мятежника? Тело отца ещё не успело остыть, а власть семьи Цзюнь уже исчезла? — Цзюнь Тин выкрикнула последнюю фразу надрывно и со слезами на лице.

Шаги звучали медленно и душераздирающе.

Все военные, которые были преданы семье Цзюнь, спокойно приблизились к пятому помощнику полководца.

Посмотрев на толпу солдат и на своих приближённых, пятый помощник полководца проговорил, мрачно смеясь:

— Если вы все считаете, что поступки тринадцатого помощника полководца верны, если вы считаете, что спасение наших братьев от распространения оспы — пустяки, тогда обнажите свои мечи и убейте меня.

Медленно осаждавшие солдаты прекратили подступать.

Дошло до того, что даже несколько стоящих во главе солдат, принадлежащих семье Цзюнь, не осмелились смотреть в глаза пятого помощника полководца.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «если начнётся, то уже не остановишь», обр.: стать управляемым, выйти из-под контроля.

[2] Перен. оказаться в тупике.

[3] В оригинале фраза звучит как «для завершения холма неостало одной корзинки земли», обр. в знач.: сорвать успех дела из-за пустяка; не доделать; все труды пошли прахом; бросить большое дело на пороге его завершения.

[4] В оригинале фраза звучит как «открыть дверь и увидеть горы», обр.: напрямиком, без околичностей, перейти к делу.

[5] В оригинале фраза звучит как «цвет лица не изменился, и сердце не скачет», обр.: спокойно, без страха, не подавая виду.

[6] В оригинале □□ означает не только «Божественная комедия» Данте, но ещё и «ушной червь» — навязчивая мелодия, прилипчивая песня и т.п.

<http://bllate.org/book/13377/1190163>